

Владимир Мономах и его роль в кризисе древнерусской государственности (по работам отечественных историков XIX–XXI веков)

© 2025 г. Д.А. Боровков

(Москва, Российская федерация)

brancalone85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики киевского князя Владимира Мономаха в отечественной историографии XIX–XXI вв. и сделан вывод о том, что исследовательские оценки деятельности Владимира Мономаха в большинстве случаев имеют как апологетический, так и критический характер, по-разному раскрывается и роль политики Мономаха в последовавшем во второй трети XII в. кризисе древнерусской государственности, спровоцированном войнами его сыновей и внуков, которые повлекли ослабление власти киевских князей. Особое внимание уделяется историографическим оценкам так называемого ряда Мономаха, в соответствии с которым, по всей видимости, предполагалась передача по наследству княжений в Переяславле и Киеве в семье его старшего сына Мстислава Владимировича в ущерб интересам его младших братьев Юрия и Андрея Владимировичей.

Ключевые слова: Владимир Мономах, С. Соловьев, Н. Костомаров, М. Тихомиров, И. Будовниц, Д. Лихачев.

Ссылка для цитирования: Боровков Д.А. Владимир Мономах и его роль в кризисе древнерусской государственности (по работам отечественных историков XIX–XXI веков) // *Славяноведение*. 2025. № 2. С. 5–18. DOI: 10.31857/S0869544X25020011, EDN: IZRDSL

Vladimir Monomakh and his Role in the Crisis of Ancient Russian Statehood (Based on the Works of Russian Historians of the 19th–21st Centuries)

© 2025. Dmitry A. Borovkov

(Moscow, Russian Federation)

brancalone85@mail.ru

Abstract. The article examines the characteristics of the Kyiv prince Vladimir Monomakh in the Russian historiography of the 19th – 21st centuries, it is concluded that research assessments of the activities of Vladimir Monomakh are both apologetic and critical, thanks to which is revealed in different ways the role of the politic of

Monomakh in the crisis of Ancient Russian State, which was provoked by wars between his sons and grandsons and resulted in a weakening of the power of the Kyiv princes. Particular attention is paid to historiographical assessments of Monomakh's will, according to which it was assumed that the principalities in Pereyaslavl and Kyiv would be inherited in the family of his eldest son Mstislav Vladimirovich to the detriment of the interests of his younger brothers Yuri and Andrei Vladimirovich.

Keywords: Vladimir Monomakh, S. Soloviev, N. Kostomarov, M. Tikhomirov, I. Budovnitz, D. Likhachev.

For citation: Dmitry A. Borovkov. Vladimir Monomakh and his Role in the Crisis of Ancient Russian Statehood (Based on the Works of Russian Historians of the 19th–21st Centuries) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2025. No. 2. P. 5–18. DOI: 10.31857/S0869544X25020011, EDN: IZRDSL

Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125) является одним из наиболее заметных деятелей Древней Руси, оказавший влияние практически на все стороны развития государства, оставивший след не только на политическом, но и на литературном поприще, мимо которого не прошел практически не один исследователь этого периода. Вместе с тем, если обратиться к анализу историографических характеристик его деятельности, результат получится неоднозначный, что уже отмечалось авторами предшествующих обзоров [Орлов 1946, 72–81; Ищенко 2014, 10–20, 128–171]. Несмотря на то, что первые русские историки при изложении деяний Мономаха, как правило, придерживались панегирического тона памятников древнерусской письменности, начиная с Н.А. Полевого, стали появляться не только апологетические, но и критические высказывания по поводу последствий деятельности князя, который «в течение полвека составлял главное действующее лицо XII столетия», создавшее «федеральную монархию» в интересах своих сыновей и в ущерб интересам представителей других княжеских линий, что послужило предлогом для княжеских междоусобиц [Полевой 1997, 334–337].

С.М. Соловьев считал, что «Мономах принадлежит к тем великим историческим деятелям, которые являются в самые бедственные времена для поддержания общества, которые своею высокою личностью умеют сообщить блеск и прелесть самому дурному общественному организму», однако представлял его своеобразным «князем-консерватором», отмечая, что «Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества; это было лицо с характером чисто охранительным, и только. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей, прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям» [Соловьев 2010, 155–156].

Н.И. Костомаров писал, что «между древними князьями до татарского периода после Ярослава никто не оставил по себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волею, выдававшийся здравым умом посреди всей братии князей русских», около имени которого «вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и первой четверти XII века» и который «может по справедливости быть назван человеком своего времени». Однако тот же автор отметил, что «рассуждая

беспристрастно, нельзя не заметить, что Мономах в своих наставлениях и в отрывках о нем летописцев, является более безупречным и благодушным, чем в своих поступках, в которых проглядывают пороки времени, воспитания и среды, в которой он жил» [Костомаров 2004, 39, 66–67].

Согласно М.С. Грушевскому, «Мономах дорожил общественным мнением и старался облекать свои действия в благовидную форму», однако «можно указать несколько фактов, которые не совсем согласуются с традиционным обликом его». В представлении исследователя он «обладал ясным практическим умом, отличался необычайной энергией и деятельностью, замечательным тактом; нельзя заподозреть искренности его набожности, его любви к Русской земле; несомненно, он не был злым, лукавым человеком, но в то же время собственная выгода неизменно фигурирует в его деятельности и ею обуславливаются его поступки»; в то же время «Мономах не был чудом века, как называют его некоторые, а лишь одним из замечательнейших его представителей» [Грушевский 1891, 134].

М.Д. Приселков писал, что «Мономах, как личность, стоит перед нами с большою выпуклостью на фоне тех «имен и имен», на которые жаловался знаменитый историк русской церкви. О Мономахе, кроме летописных надгробных слов, проникнутых большим придворным лиризмом, имеем ряд данных, сходящихся в общей оценке. И митрополит Никифор в своем Поучении, и неизвестный Василий в своем Сказании об ослеплении Василька, и, наконец, сам Мономах в своем Поучении детям — рисуют перед нами живую фигуру князя, проникнутой религиозностью и церковностью, нищелюбца, гостеприимца, воздержанного еде и питье, князя неутомимого в трудах и походах. Но к этой характеристике личности Мономаха, странно, на наш современный взгляд, идут тонкие ходы его политики, не всегда честных и прямых путей в достижениях, иногда прямого вероломства, как бы их ни старались иначе осветить или просто затемнить летописцы. Здесь достаточно вспомнить ужасную расправу, которую допустил Мономах, нарушая клятву, с «Илтаревою чадью» в 1095 г. или несчастную смерть Ярослава Святополковича в 1123 г., где, кажется, трудно сомневаться, откуда взялись «два Ляха». Но в этой раздвоенности, на наш взгляд, личности Мономаха была живая ему действительность, правда, не русского происхождения: перед нами портрет или, вернее, копия с обычного типа византийского изделия. Недаром дом Всеволода так умеет родниться с византийскими императорскими домами и Мономаха, и Дуки, и Диогена, и Комнинов» [Приселков 2003, 182–183].

В более поздней работе тот же исследователь отметил, что Мономах, «сын греческой царевны из дома Мономахов, полугрек по крови и семейным связям дома с императорскими домами Византии, был личностью замечательной по многим своим дарованиям и по значительному образованию. Он единственный из наших князей — писатель, не без вкуса и способности воздействовать на читателя. О нем можно судить не только по летописным данным о его деятельности, но и по его литературным трудам, и по отзывам ближайших его современников (Василий, автор повести об ослеплении Василька, митрополит Никифор) [...]. Недоверчивый к подчиненным и вообще к людям, Мономах во всем любил брать львиную долю работы на себя и был большим самовластцем, не терпящим чужих указаний, наставлений и советов, тем более, конечно, опеки. Стремясь на киевский стол, Мономах до времени не открывал себя целиком, стараясь не отпугнуть от себя или не вооружить, но когда он сел на Киев, сомкнув в своих руках давно небывалую политическую и земельную

мощь, тогда он повел себя открыто, не стараясь прикрыть или ослабить впечатление» [Приселков 2009, 129–130].

В то же время, некоторые из дореволюционных исследователей акцентировали внимание лишь на положительных сторонах деятельности князя, как, например, К.Н. Бестужев-Рюмин, писавший, что «Володимир Мономах», «братолюбец, нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю», был, бесспорно, одним из лучших князей Древней Руси, рисуяшем в «Поучении» «идеал доброго князя, который везде сам, не полагается на своих отроков, сам судит, сам расставляет полки, вечно занят, ко всем милостив, благосклонен и всегда помнит Бога. Идеал этот, очевидно, он старался осуществить, чем и объясняется народная любовь к нему» [Бестужев-Рюмин 2015, 297].

Апологетичной являлась и характеристика Д.И. Иловайского, считавшего, что «летописец изображает нам Владимира Мономаха идеалом русского князя: он мирит враждующих, свято соблюдает крестное целование; подает пример набожности, правосудия, гостеприимства и превосходит всех воинскими доблестями. После Ярослава это был первый из его преемников, который на самом деле осуществил понятие о великокняжеской власти; младшие родичи повиновались ему как отцу; а тех, которые пытались завести распри, он наказывал отнятием уделов» [Иловайский 1996, 120].

В советской историографии под влиянием феодальной парадигмы социально-политического развития фокус внимания исследователей сместился на подчеркивание классового характера деятельности Владимира Мономаха как выразителя интересов феодальной элиты и одного из разработчиков феодальной идеологии, вследствие чего внимание акцентировалось как на положительных, так и отрицательных сторонах его деятельности.

Например, М.Н. Тихомиров писал, что летопись и Киево-Печерский патерик противопоставляют «фигуру милостивого и мудрого Владимира Мономаха» фигуре его двоюродного брата и предшественника на киевском столе Святополка Изяславича и «это традиционное сопоставление в известной степени вошло в нашу литературу». Оценка деятельности Мономаха у исследователя – двойственна: с одной стороны, он не отрицал того, что «Владимир Мономах был крупной политической фигурой на рубеже XI–XII вв., знаменитым полководцем, заслужившим благодарность современников за свои победы над ордами половцев», а с другой стороны подчеркивал, что это «не мешает нам видеть во Владимире Мономахе вовсе не идеальную фигуру народолюбца, а типичного феодала своего времени», который, тем не менее, «был все-таки одним из лучших представителей феодальных верхов своего времени, чего нельзя сказать о некоторых его современниках» [Тихомиров 1975, 131, 133].

В тех же категориях характеризовал князя Б.А. Рыбаков, по словам которого «Владимир Мономах тем и представляет для нас интерес, что всю свою неукротимую энергию, ум и несомненный талант полководца употребил на сплочение рассыпавшихся частей Руси и организацию отпора половцам». При этом, «Мономах, несомненно, был честолюбив и не гнушался никакими средствами для достижения высшей власти. Кроме того, как мы можем судить по его литературным произведениям, он был лицемерен и умел демагогически представить свои поступки в выгодном свете как современникам, так и потомкам» [Рыбаков 1982, 468].

Б.А. Романов отметил, что «летописные записи выдвигают Мономаха как идеального христианского князя», который украшен «добрыми нравами», прослыл «в победах», так что при имени его «трепетаху вся страны», но при этом «его автобиография, советы его “Поучения” – не уникальные, а

приспособлены к среднему и типическому, пропитаны компромиссом и бытом», а «его жизнь не похожа на житие». Поэтому, «поучая, он не сам не лезет в герои, ни от поучаемого читателя своего не требует невозможного. Печать, скорее, добросовестной умеренности и аккуратности как гарантия политической мудрости и хладнокровия лежит на всем облике этого одинаково удачливого князя-труженика и литературно удавшегося самому себе писателя [...]. Он озаботился и о том, чтобы в летописании создать себе “хорошую прессу”, оставить в памяти потомства о своей политической деятельности осмысленный, поучительный след. Несомненно его крупное значение в развитии, если не в создании феодальной политической идеологии. Его личная сила сказалась тут в том, что он сумел сделать эту идеологию доступной своему читателю, связать с жизненным опытом, запечатлеть ее в образах своего знаменитого “Поучения”» [Романов 2002, 129–130].

И.У. Будовниц писал, что «сохранившиеся литературные произведения Владимира Мономаха представляют для нас особый интерес тем, что в них отразилась попытка Мономаха в качестве государственного деятеля провести на практике идею общественного примирения, которая лежала в основе Изборника 1076 г., и которую он сам развивал в наизданиях детям и последователям. Аудитория Владимира Мономаха гораздо уже того круга читателей, на который был рассчитан Изборник 1076 г. Он не дает советов, «как жити крестьяном», многим слоям общества. Зато трактуемые им вопросы разработаны шире и отделаны, так сказать, во всех гранях.

Рисуя идеального правителя, который несет ответственность за своих подданных и зависимых от него людей, Владимир Мономах с соблюдением большого литературного такта и без всякой назойливой нескромности ставит в пример самого себя, показывая себя с разных сторон, — и как рыцаря, творящего «мужское дело», и как воина, совершающего многочисленные походы, и как весьма распорядительного и крупного политического деятеля, озабоченного судьбами своей страны, и как судью, и как вотчинника-феодала, и как хозяина большого, поставленного на широкую ногу дома, и как отца семейства, и как верующего, преданного церкви христианина... В этом отношении и собственно Поучение, и письмо к Олегу Святославичу, и выписки с молитвой представляют собой единый материал, пронизанный единым замыслом — дать властям наставление, как наилучшим образом, с наибольшей для себя пользой, спокойно и безопасно управлять своими подданными.

Этот замысел выполнен свежо, оригинально, с настоящим литературным блеском и талантом. Литературный талант Владимира Мономаха проявляется в том, что во всех преподносимых им наставлениях чувствуется трепет подлинной жизни, что они художественны и образны, проникнуты большой убежденностью, озарены мыслью, обогащены тонкими наблюдениями, отличаются подлинным поэтическим настроением и лиричностью. Даже в протокольные записи о своих «путях» (походах) Владимир Мономах умел вплести обличенные в образную художественную форму политические мысли и идеи» [Будовниц 1960, 132–133].

Сходных взглядов придерживался Д.С. Лихачев, считавший, что Владимир Мономах «конечно, представитель новой идеологии, оправдывавшей новый, провозглашенный на Любечском съезде принцип — «каждо да держит отчину свою», признавший факт раздробления Руси», который «во всех случаях подавал свой голос за упорядочение государственной жизни Руси на основе нового принципа и стремился предотвратить идейной пропагандой те княжеские раздоры, которые в новых условиях могли только усилиться», так что «призывы

к единению против общих врагов — половцев, к прекращению раздоров между князьями, не был в его устах призывом к старому порядку [...].

В своей политической деятельности Мономах с особенной энергией призывал соблюдать крестоцелование. Это был не простой призыв к честности, а установление самой сути системы: ведь целует крест не только побежденный победителю, но и сюзерен своим вассалом, а вассалы ему: все князья — постоянно договаривающиеся стороны. На договорных условиях пытался Мономах организовывать совместные походы русских князей против половцев, стремился добиться их организации путем уговоров, созывов княжеских съездов, на которых всегда выступал против раздоров и за активную оборону Русской земли. Кроме того, в новых условиях необходимо было упорядочить феодальную эксплуатацию в интересах всего феодального класса остановить отдельных излишне усердствовавших в этом феодалов. Одним словом, недостаток объединяющей политической силы киевского князя и недостаток экономических связей необходимо было бы в некоторой степени возместить силой моральной.

Мономах был одним из создателей идеологии периода феодальной раздробленности — идеологии, обосновывающей и оправдывающей совершившееся и совершающееся дробление Руси между отдельными княжествами и вместе с тем безуспешно стремящейся устранить путем моральной проповеди бедственные последствия этого дробления. В своих произведениях Мономах пытался опереть новую политическую систему на христианскую мораль, на строгое выполнение договорных условий, на совместное решение основных вопросов на княжеских съездах, на взаимное уважение к правам младших и старших. В конечном счете вся новая система должна была опираться на моральную дисциплину, на идеологию. Вот почему этой идеологии Мономах и придал такое большое значение, заботясь о писателях, покровительствуя летописанию, укрепляя церковь, развивая культ Бориса и Глеба, поддерживая Киево-Печерский монастырь и лично занимаясь писательской деятельностью. Новую идеологию и новый принцип Мономах пытался сделать тем стягом, с помощью которого он мог бы руководить дружиной князей-братьев» [Лихачев 1975, 140, 141].

Таким образом, можно заметить, что в большинстве рассмотренных трудов соседствуют как апологетическое, так и критическое отношение к Владимиру Мономаху, в результате чего историографический портрет получается двойственным. Но можно ли списать ее лишь на воздействие историографических стереотипов? Эта двойственность видна и в «Поучении» Мономаха, где первая часть, в духе «христианского гуманизма» представляющая идеальный тип князя, — «последнего мудреца на киевском престоле» [Каррер д' Анкосс 2009, 29], — вступает в определенное противоречие со второй его частью, где описываются походы и подвиги, которые отнюдь не сочетаются с этими принципами. Быть может, не так заметна двойственность образа Мономаха на страницах ПВЛ, но объективность ее свидетельств в ряде случаев вызывает серьезные сомнения.

Двойственность характеристики деятельности Мономаха можно объяснить двумя способами: либо как результат отклонения «реальной политики» князя от идеального образа правителя, созданного в первой части «Поучения», либо как результат политической эволюции Мономаха. В том, что такая эволюция имела место, нет никаких сомнений. Достаточно обратить внимание на его взаимоотношения с другими князьями, чтобы понять, что характер действий Мономаха менялся в зависимости от требований «реальной политики», в соответствии с которыми он мог пойти на те или иные уступки. Однако с того момента как в 1113 г. он стал киевским князем, таких уступок становилось все

меньше, а место декларируемых прежде политических принципов занимали династические интересы, для оправдания которых княжеским летописцам достаточно было подобрать подходящее обоснование, как правило, относившееся не к правовой, а к моральной сфере [Боровков 2021, 91, 165].

Часть характеристик деятельности Владимира Мономаха связана с представлениями о государстве, начиная с того момента как этот концепт появился в русской историографии в эпоху реформ Петра Великого [Свердлов 2011, 150, 157, и сл.]. Не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в периодизации отечественной истории, первую из которых предложил В.Н. Татищев, правление сына и преемника Мономаха Мстислава I Великого (1125–1132) завершало период самодержавной («самовластной») монархии, за которым следовал период упадка и раздробленности политической власти [Татищев 1994, 366].

Н.М. Карамзин, предложивший альтернативную схему периодизации истории России, в которой началом раздробленности считались раздача уделов сыновьям Святославом I в 970 г. и Ярославом I в 1054 г., отмечал, что после завоевания Минска и Владимира на Волыни в 1116–1118 гг. «Мономах утвердил свое могущество внутри Государства, но не думал переменить системы наследственных Уделов, столь противной благу и спокойствию отечества», потому что «долговременное обыкновение казалось тогда уже законом», или потому что «Владимир боялся отчаянного сопротивления Князей Черниговских, Полоцких и Ростиславичей, которые не уступили бы ему прав своих без страшного кровопролития», а «он не имел дерзкой решительности тех людей, кои жертвуют благом современников неверному счастью потомства; хотел быть первым, а не единственным Князем Российским: покровителем России и Главою частных Владетелей, а не Государем Самодержавным» [Карамзин 1991, 97].

Н.А. Полевой в периодизации русской истории следовал схеме Н.М. Карамзина, но был не столь лоялен в оценке деятельности Мономаха. Говоря о политических достижениях Мономаха, историк обратил внимание на то, что «он перенес систему наследования великого княжества в свой род», но не заметил, что «семена раздора и гибели рассеяны были им повсюду», так как он «теснил других, не жалел ни крови, ни совести, прочил только себе и детям, и дети его растерзали друг друга» [Полевой 1997, 335–337].

К.Д. Кавелин соединил элементы татищевской и карамзинской периодизации, применив ее не к истории государства, а к истории рода Рюриковичей утверждением о том, что Владимир Мономах и его сын Мстислав Великий тщетно старались воссоздать политическую систему Ярослава I. «Пока они живы, она держится, но не собственными силами, а личными достоинствами и доблестями этих князей. Когда их не стало, опять обнаружилась вся ее несостоятельность, еще с большей силой, чем прежде, ибо Владимир Мономах и Мстислав, восстанавливая прежнее, сами действовали под влиянием вотчинного начала и в новом устройстве России дали первенство потомству Всеволода над прочими линиями Владимирова княжеского рода – это вызвало ненависть последних, особенно Святославичей. Ожесточенная борьба Ольговичей и Мономаховичей показала, что единство княжеского рода навсегда утрачено» [Кавелин 1989, 34–35].

Эта тенденция получила распространение в середине XIX – начале XX в., когда внимание исследователей акцентировалось на изучении родовых или общинных отношений и постулировалось зачаточное состояние государственных отношений, вследствие чего политический кризис второй четверти XII в. рассматривался как внутренний кризис рода Рюриковичей, способствовавший

ослаблению власти киевских князей, которое контрастировало с эпохой правления Владимира Мономаха.

Например, М.С. Грушевский описывал ее так: «Мономах достиг небывалого в удельно-вечевом периоде могущества и влияния. Он соединил в своих руках или, вернее, руках своей семьи, по крайней мере три четверти тогдашней Руси, причем эти владения составляли сплошную территорию. При этом он уже не удовлетворялся относительно других князей положением первого между равными; формулу великокняжеской власти “въ отца место”, формулу очень неопределенную, он приложил к ним, так сказать, в наибольшем ее объеме» [Грушевский 1891, 130]. А вот как характеризовал ее М.К. Любавский: «Авторитет и значение великокняжеской власти подняли временно Владимир Мономах и сын его Мстислав — благодаря своему такту и личным доблестям. «Доброго страдальца за Русскую землю» князья уважали и охотно слушались. Сын его Мстислав жил, так сказать, отцовским капиталом», но это был «последний авторитетный великий князь» [Любавский 2000, 173–174].

А.Е. Пресняков в магистерской диссертации «Княжое право в Древней Руси» писал, что перед Мономахом стояли две задачи: укрепить за собою Киев, осуществив притом наиболее широкое представление о «“Всеволожей отчине”», и возродить старейшинство, придав ему значение династической привилегии своего потомства, т.е. укрепив за этим потомством отчинные права на Киев, сохранить и связь старейшинства в земле русской с обладанием «золотым столом киевским». Такое понимание «задач» Мономаха вытекает из «совокупности фактов, характеризующих его деятельность как киевского князя». По мнению исследователя, добившись рассредоточения своих сыновей в большом количестве волостей, Мономах восстановил, «точнее, впервые осуществил на деле идею старейшинства в земле русской», а Мстиславу «лишь оставалось достроить начатое отцом здание», но так как «его дело нашло себе продолжателя только в Мстиславе», то Мономахово наследие было разбито [Пресняков 1993, 63–64, 69, 75]. В более позднем курсе лекций историк писал о возобновлении Мономахом «централизующего влияния Киева на рассыпанную храмину древней Руси» и «концентрационной» политике Мономаха по собиранию волостей [Пресняков 1993, 393], характеристика которой появилась в его трудах под влиянием М.С. Грушевского [Грушевский 1905, 110; Пресняков 1993, 64].

В процессе формирования представлений о феодальном древнерусском государстве в советской историографии 1930–1950-х годов трансформировалось и отношение исследователей к трактовке политической деятельности Владимира Мономаха.

Так, Б.Д. Греков относил начало распада «государства Рюриковичей» к разделу Ярослава I в 1054 г., в результате которого «на смену гегемонии Киева приходит сепаратизм вотчин-княжений», но считал, что князья-феодалы в лице Владимира Мономаха нашли князя, «который сумел на некоторое время не без их, конечно, содействия реставрировать старые политические отношения» и «став, при очень сложных политических обстоятельствах князем киевским, Владимир Мономах сделал попытку восстановить поколебавшееся положение Киева, пользуясь всеми имевшимися в его распоряжении средствами. Малейшую попытку неподчинения себе Владимир пресекал в корне и пользовался другими князьями как своими подчиненными». Таким образом, «при Владимире и его сыне Мстиславе Киев стал снова политическим центром большого государства. Во всяком случае отдельные феодальные владетели считались с ним. Но это политическое положение длилось очень недолго» [Греков 1937, 180, 185, 188, 189; ср. Греков 1953, 489, 499, 504, 505].

В одной из последних работ Б.Д. Греков дал князю следующую характеристику: «Владимир Всеволодович Мономах, по своему времени человек высокообразованный и деятельный, энергичный защитник целостности древнерусского государства, задолго до прихода на киевский стол был популярен и в княжеской и в дружинной среде. Активный участник феодальных съездов, он проводил на них основную мысль об укреплении существовавшего порядка на Руси и о борьбе против княжеских внутренних усобиц, ослаблявших власть феодалов в условиях обострения борьбы крестьянства против интенсивного процесса феодализации, в условиях осложнения внешнеполитического положения Руси» [Очерки 1953, 191].

С.В. Юшков представлял распад «Киевского государства» как длительный процесс феодализации, продолжавшийся от раздела Ярослава I в 1054 г. до второй половины XII в., который смогла затормозить «сравнительно сильная великокняжеская власть» и «некоторая относительная сплоченность Киевской Руси» при Мономахе и его сыне Мстиславе [Юшков 1949, 140, 141].

По мнению Б.А. Рыбакова, «именем Владимира Мономаха охвачена эпоха, более широкая, чем годы его княжения в Киеве. Победы над «Итларевой чадью» и Тугорканом в 1095–1096 гг. уже выдвинули опытного сорокалетнего князя на самое видное место среди других русских князей [...]. Звезда Мономаха стала всходить на политическом горизонте в 1095–1096 гг., а после его смерти в 1125 г. сын его Мстислав удерживал еще семь лет (последний раз в истории) единство Киевской Руси» [Рыбаков 1963, 254]. Киевская Русь конца XI – начала XII в. рассматривалась исследователем как «феодальная империя», переживающая политический кризис из-за половецких нашествий и конфликтов между представителями феодального класса, предотвратить которые могло восстановление сильной великокняжеской власти. Проводником этой политической тенденции он считал Владимира Мономаха, охарактеризованного в качестве выразителя интересов киевского боярства, недовольного политикой Святополка Изяславича, которое после его смерти в 1113 г. и возвело Мономаха на киевский стол [Рыбаков 1963, 255]. Эта концепция дорабатывалась в позднейших трудах исследователя, отмечавшего, что «став великим князем и, очевидно, пользуясь полной поддержкой боярства, Владимир II прочно держал всю Русь в своих руках», однако «это единство держалось еще семь лет после смерти Мономаха при его сыне Мстиславе (1125–1132), и сразу распалось в 1132 г.» [Рыбаков 1982, 462, 464].

Распад «раннефеодальной империи» на полтора десятка княжеств, аналогичных западноевропейским королевствам, исследователь связывал с центробежными стремлениями боярства русских земель [Рыбаков 1982, 474]. Как и в случае Б.Д. Грекова речь, по сути дела, шла о синтезе двух периодизаций истории Древней Руси (В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина) с предлагавшимися ими датировками распада русского государства и наполнении их марксистским идеологическим содержанием, хотя предпринимались попытки связать их появлением в советской историографии с хронологически более близким влиянием М. С. Грушевского [Кучкин 2012, 130–134, 140–142]. В рамках этих представлений Л.В. Черепнин охарактеризовал период княжения в Киеве Святополка Изяславича, Владимира Мономаха и Мстислава Владимировича (1093–1132) как «годы временной реставрации феодальной монархии» при сохранении тенденции к дальнейшему политическому раздроблению [Черепнин 1972, 361].

В качестве «решительного и последовательного сторонника сильной и единой Руси», который «сосредоточил в своих руках едва ли не половину ее

территории», охарактеризовал Владимира Мономаха П.П. Толочко, считавший его ставленником «феодальной верхушки» на киевском столе, сумевшим в течение непродолжительного времени добиться признания своей великокняжеской власти всеми князьями без нарушения принципа, выработанного Любечским съездом, благодаря чему «в условиях средневековой нестабильности, постоянной борьбы за власть и земли, Мономах достиг максимума возможного» [Толочко 1987, 99, 100, 102, 106]. Княжения в Киеве старших сыновей Мономаха – Мстислава Владимировича (1125–1132) и Ярополка Владимировича (1132–1139) – исследователь рассматривал как время «государственного единства», которое «еще не могли разрушить усобицы младших Мономаховичей или Ольговичей», боровшихся за то, чтобы стать преемниками Ярополка во главе всего древнерусского государства [Толочко 1987, 112, 116].

Стереотипные трактовки «самодержавной политики» Владимира Мономаха, характерные для советских времен, продолжали фигурировать и на рубеже XX–XXI вв. Датировка распада «Древнерусского государства»/«Киевской Руси» временем вскоре после 1132 г. по-прежнему пользуется популярностью [История России 2024, 341], хотя предпринимаются попытки отнести его к 1054 г. [Кучкин 2012, 142]. В то же время, формируется альтернативная историографическая тенденция, представляющая Мономаха не «самодержавным правителем», а «первым среди равных» князей [Мининкова 2018, 162–163; Боровков 2021, 180–186].

Некоторые исследователи связывают кризис древнерусской государственности с так называемым завещанием или «рядом» Мономаха. Это соглашение, о котором лаконично рассказывается в Лаврентьевской летописи под 1132 г., рассматривается как попытка десигнации потомков Мстислава в качестве потенциальных наследников киевского стола через передачу им «отчины» в Переяславле. Буквально его можно было бы интерпретировать таким образом, что Мономах установил над Переяславлем коллективное совладение (кондоминиум) своих старших сыновей. Так трактовал его С.М. Соловьев в «Истории отношений между русскими князьями Рюрикова дома», но поскольку фактические данные противоречили развиваемой им гипотезе о «лествичном восхождении» князей, он предположил, что Мстислав завещал Ярополку передать его своему старшему сыну Всеволоду. Соловьеву пришлось допустить, что Мстислав «перешел в Киев из Переяславля» [Соловьев 2010, 171], хотя по свидетельству ПВЛ при жизни Мономаха Мстислав княжил в Белгороде, а в Переяславле сидел на княжении Ярополк. В «Истории России с древнейших времен» он дал более взвешенную трактовку этим событиям, написав, что историк не имеет права говорить утвердительно о том, хотели ли старшие Мономаховичи переводом Всеволода в Переяславль дать ему преимущество перед дядями и возможность наследовать Ярополку в Киеве [Соловьев 1988, 404].

На натянутость предположения С.М. Соловьева указал В.И. Сергеевич, охарактеризовавший рассказ Лаврентьевской летописи под 1132 г. как «чрезвычайно любопытное место», каковое «дорисовывает портрет Владимира Мономаха» как князя, который «следует указаниям современной политики» и «хочет обеспечить сыновей и внуков своих, насколько это возможно при данных обстоятельствах» [Сергеевич 2006, 232, 234]. Этот летописный сюжет исследователь использовал в качестве одного из аргументов для критики положений родовой теории, касавшихся принципа наследования столов по старшинству.

М.С. Грушевский предположил, что важность конфликта вокруг Переяславля между старшими и младшими Мономашичами была обусловлена тем, что в действительности речь шла о наследовании киевского стола, которое, в

свою очередь, осложнялось тем, что «Мономах и его сыновья, опиравшиеся на народное избрание, в глазах князей были только счастливыми узурпаторами; пока у них была сила и авторитет, им покорялись, но этому рано или поздно грозил конец вследствие раздробления их владений в руках многочисленных родичей» [Грушевский 1891, 144]. В более поздней работе он писал, что проект, который могли разработать как старшие Мономашичи, так и сам Мономах, предусматривал, что после смерти Мстислава Киев должен был перейти к Ярополку, а после вернуться к сыну Мстислава, переведенному в Переяславль из Новгорода, так как «только за этим Всеволод мог сменить новгородский стол на переяславский». Грушевский считал, что нет причин сомневаться в достоверности рассказа о «ряде», так как «Ярополку или Мстиславичам ничего не помогло бы выдумывать эти апокрифические распоряжения Мономаха, ибо князья были люди рассудительные и знали, что добрый дружинный полк окажется лучшим документом, нежели всякие договоры и завешания», но затруднялся сказать, было ли обусловлено это решение стремлением отстранить от киевского стола следующего по старшинству брата, Вячеслава Владимировича, или необходимостью урегулировать порядок наследования между младшими дядьями и старшими племянниками [Грушевский 1905, 131–132].

А.Е. Пресняков вернулся к сформулированному С.М. Соловьевым представлению о кондоминиуме, считая, что это решение Мономаха «могло иметь лишь смысл предоставления Мстиславу права распорядиться переяславским столом и утвердить на него отчинные права Мстиславичей». Мстислав после смерти отца «урядился крестным целованием с Ярополком о передаче по отню повеленью Переяславля Мстиславичу Всеволоду, точнее вообще Мстиславичам, как их отчину», так что вся «совокупность известий дает представление о последовательно проводимой династической реформе, вполне согласной с общим характером деятельности Мономаха» [Пресняков 1993, 71, 72].

Советскими исследователями «ряд» Мономаха упоминался редко [Толочко 1987, 112, 113]. В постсоветский период предпринимались попытки усмотреть в нем влияние византийского политического образца с установлением «вертикального» принципа наследования киевского стола [Петрухин 2000, 207–209]. В современной историографии утвердилась восходящая к А.Е. Преснякову трактовка «ряда» как династической реформы, развивавшей принцип «отчинного» наследования волостей, установленный на Любечском съезде 1097 г. и примененный Мономахом в 1117 г., когда он перевел на княжение из Новгорода в Белгород сына Мстислава в качестве своего преемника, тогда как Святославичи были отстранены от наследования Киева решением съезда в обмен на территориальные приобретения [Назаренко 2009, 88–101].

Реализация этого «ряда», какой бы ни была его первоначальная цель, была сорвана младшими сыновьями Мономаха – ростово-суздальским князем Юрием Владимировичем (Долгоруким), который выгнал Всеволода Мстиславича из Переяславля через несколько часов после вокняжения, и волынским князем Андреем Владимировичем, который получил Переяславль в 1135 г. после того как там не сумел удержаться Юрий, где княжил до своей кончины в 1141 г. Так как противниками «ряда» выступали младшие сыновья Мономаха от его второго брака [Назаренко 2009, 97], очевидно, он ущемлял их права на переяславский, а следовательно, и киевский стол.

Побочным явлением этих усилий стало то, что в 1134/1135 г. в качестве союзников Мстиславичей активизировались представители второго поколения Святославичей – Ольговичи. Это привело к возобновлению борьбы потомков Ярослава I, в результате чего после смерти Ярополка в 1139 г. Мономашичи

утратили монополию на власть в Киеве после того как он был захвачен Всеволодом Ольговичем, который попытался передать киевский стол своему брату Игорю, в качестве аргумента в защиту этой династической реформы ссылаясь на аналогичную меру Владимира Мономаха в отношении своего сына Мстислава I.

Таким образом, говоря о политическом кризисе, начавшимся после смерти Мстислава I, надо принимать во внимание, что на первом этапе в 1132–1135 гг. это был локальный династический кризис в семье Мономашичей, обусловленный попыткой реализации «ряда» Мономаха в ущерб интересам его младших сыновей, а на втором этапе в 1135–1139 гг. — глобальный кризис системы «отчинного» владения, установленной на съезде в Любече в 1097 г., который на несколько лет прервал период политического доминирования Мономашичей как в Южной, так и в Северо-Западной Руси после того как изгнавшие в 1136 г. Всеволода Мстиславича жители Новгорода присвоили себе право «вольности в князьях», выйдя из сферы влияния Киева и его ставленников на новгородском столе. Поэтому, распад «Киевской Руси»/«Древнерусского государства» как относительно единого политического образования следует относить не к 1132 г., а к периоду между 1135 и 1139 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история до эпохи Ивана Грозного. М.: Академический проект, 2015. 702 с.
- Боровков Д.А. Владимир Мономах. Между историей и легендой. М.: Центрполиграф, 2021. 254 с.
- Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Издательство АН СССР, 1960. 488 с.
- Греков Б.Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. [2-е изд.]. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937. 191 с.
- Греков Б.Д. Киевская Русь [4-е изд.]. М.: Политиздат, 1953. 568 с.
- Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. 538 с.
- Грушевський М. Історія України-Руси: В 10 т. Львів: Друкарня наукового товариства імені Шевченка, 1905. Т. II. XI–XIII вік. 638 с.
- Иловайский Д. Становление Руси. М.: Алгоритм, Чарли, 1996. 736 с.
- История России: В 20 т. М.: Наука, 2024. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI — середине XIII века. Становление и развитие Руси / отв. ред. А.А. Горский. 1056 с.
- Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, Антей, 2014, 276 с.
- Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда. 1989. 656 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М.: Наука, 1988. Кн. 2. Т. II–III. 832 с.
- Каррер д' Анкосс Э. Русская беда. Эссе о политическом убийстве. М.: РОССПЭН, 2009. 528 с.
- Костомаров Н.И. История Руси Великой. Сочинения в 12 т. М.: Мир книги, 2004. Т. 1. 480 с.
- Кучкин В.А. О времени существования древнерусского государства (историография вопроса) // Исторический вестник. Т. 1 (148) / под общей ред. А.А. Горского. М., 2012. 186 с.
- Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М.: Современник, 1975. 366 с.
- Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века [4 изд.], СПб.: Лань, 2000. — 480 с.
- Мининкова Л.В. Князь и дружина Древней Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского средневековья. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 496 с.
- Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования // Древнейшие государства на территории Восточной Европы, 2007 год / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 528 с.
- Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1946. 192 с.

- Очерки истории СССР. Период феодализма: В 2-х ч. М.: Издательство АН СССР, 1953. Ч. 1. IX–XIII вв. / отв. ред. Б.Д. Греков. 984 с.
- Петрухин В.Я. Древняя Русь. Князья. Народ. Религия // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I (Древняя Русь). 760 с.
- Полевой Н. История русского народа: В 3-х т. М.: Вече, 1997. Т. 1. 640 с.
- Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.
- Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. [2-е изд.]. СПб.: Наука, 2003. 248 с.
- Приселков М.Д. Нестор-летописец [2-е изд.]. СПб.: Русский Миръ, 2009. 160 с.
- Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII веков [3-е изд.]. М.: Издательство Территория, 2002. 256 с.
- Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1963. 361 с.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 592 с.
- Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-история, 2011. 915 с.
- Сергеевич В.И. Древности русского права. В 3 т. М.: Зерцало, 2006. Т. II. Вече и князь. Советники князя. 510 с.
- Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. 1. 797 с.
- Соловьев С.М. Древнерусские князья. СПб.: Наука, 2010. 410 с.
- Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. 432 с.
- Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Ладомир, 1994. Т. I. 500 с.
- Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987. 246 с.
- Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства X – начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89 / отв. ред. А.М. Самсонов. М.: Наука, 1972. 410 с.
- Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюридиздат, 1949. 544 с.

Рукопись поступила в редакцию 01.08.2024

Рукопись принята к печати 20.09.2024

REFERENCES

- Bestuzhev-Rumin K.N. *Russkaia istoria do epokhi Ivana Groznogo*. Moscow, Akademicheskii project Publ., 2015, 702 p. (In Russ.)
- Borovkov D.A. *Vladimir Monomakh. Mezhdru istoriei i legendoi*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2021, 254 p. (In Russ.)
- Budovnits I.U. *Obshchestvenno-politicheskaia mysl' Drevnei Rusi (XI–XIV vv.)*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1960, 488 p. (In Russ.)
- Cherepnin L.V. K voprosu o kharaktere i forme drevnerusskogo gosudarstva X – nachala XIII v. *Istoricheskiye zapiski*, t. 89, otv. red. A.M. Samsonov. Moscow, Nauka Publ., 1972, 410 p. (In Russ.)
- Grekov B.D. *Feodal'nyye otnosheniia v Kievskom gosudarstve*. [2-je izd.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1937, 191 p. (In Russ.)
- Grekov B.D. *Kievskaia Rus'* [4-je izd.]. Moscow, Politizdat Publ., 1953, 568 p. (In Russ.)
- Grushevskii M. *Ocherk istorii Kijevskoi zemli ot smerti Iaroslava do kontsa XIV stoletia*. Kiev, 1891, 538 p. (In Russ.)
- Grushevskii M. *Istoria Ukraïni-Rusi*: V 10 t., L'viv, 1905, t. II. XI–XIII vik. 638 p. (In Ukr.)
- Ilovaïskii D. *Stanovlenie Rusi*. Moscow, Algoritm, Charli Publ., 1996, 736 p. (In Russ.)
- Ishchenko A.S. *Vladimir Monomakh v russkom obshchestvenno-istoricheskom soznanii: mifologicheskii obraz i istoricheskaia real'nost'*. Rostov-na-Donu, Antei Publ., 2014, 274 p. (In Russ.)
- Istoria Rossii: V 20 t.* Moscow, Nauka Publ., 2024, t. 2. *Gosudarstva i narody na territorii Rossii v VI – seredine XIII veka. Stanovleniye i razvitiye Rusi*, otv. red. A.A. Gorskiï, 1056 p. (In Russ.).
- Iushkov S.V. *Obshchestvenno-politicheskii stroi i pravo Kijevskogo gosudarstva*. Moscow, Gosiuridizdat Publ., 1949, 544 p. (In Russ.)
- Karamzin N.M. *Istoria gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t.* Moscow, Nauka Publ., 1991, t. II–III. (In Russ.)
- Karrer d' Ankoss E. *Russkaia beda. Esse o politicheskom ubiistve*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 528 p. (In Russ.)
- Kavelin K.D. *Nash umstvennyi stroi. Stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury*. M.: Pravda, 1989, 656 p. (In Russ.)

- Kostomarov N.I. *Istoria Rusi Velikoi*. Sochineniia v 12 t., Moscow, Mir knigi Publ., 2004, t. 1, 480 p. (In Russ.)
- Kuchkin V.A. O vremeni sushchestvovaniia drevnerusskogo gosudarstva (istoriografia voprosa). *Istoricheskii vestnik*, t. 1 (148), pod obshchei red. A.A. Gorskogo. Moscow, 2012, 186 p. (In Russ.)
- Likhachev D.S. *Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniia literatury Drevnei Rusi*. Moscow, Sovremennik Publ., 1975, 366 p. (In Russ.)
- Liubavskii M.K. *Lektsii po drevnei russkoi istorii do kontsa XVI veka* [4 izd.]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2000, 480 p. (In Russ.)
- Mininkova L.V. *Kniaz' i družhina Drevnei Rusi: issledovanie form obshchestvenno-politicheskikh otnoshenii rannego russkogo srednevekov'ia*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ., 2018, 496 p. (In Russ.)
- Nazarenko A.V. Drevniaia Rus' i slaviane. Istoriko-filologicheskie issledovaniia. *Drevneishie gosudarstva na territorii Vostochnoi Evropy, 2007 god*, otv. red. E.A. Mel'nikova. Moscow, Russkii fond sodeistvia obrazovaniu i nauke Publ., 2009, 528 p. (In Russ.)
- Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma*: v 2 ch. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, ch. 1, IX–XIII vv., otv. red. B.D. Grekov. 984 p. (In Russ.)
- Orlov A.S. *Vladimir Monomakh*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1946, 192 p. (In Russ.)
- Petrukhin V.Ia. Drevniaia Rus'. Kniaz'ia. Narod. Religia. *Iz istorii russkoi kul'tury*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, t. 1 (*Drevniaia Rus'*). 760 p. (In Russ.)
- Polevoi N. *Istoria russkogo naroda*: v 3 t. Moscow, Veche Publ., 1997, t. 1, 640 p. (In Russ.)
- Presniakov A.E. *Kniazhoje pravo v Drevnei Rusi. Ocherki po istorii X–XII stoletii. Lektsii po russkoi istorii. Kievskaiia Rus'*. Moscow, Nauka Publ., 1993, 635 p. (In Russ.)
- Priselkov M.D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv.* [2-je izd.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 248 p. (In Russ.)
- Priselkov M.D. *Nestor-letopisets* [2-je izd.]. St. Petersburg, Russkii Mir Publ., 2009, 160 p. (In Russ.)
- Romanov B.A. *Liudi i nravy Drevnei Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vekov* [3-je izd.]. Moscow, Izdatel'stvo Territoria Publ., 2002, 256 p. (In Russ.)
- Rybakov B.A. *Drevniaia Rus'. Skazania. Byliny. Letopisi*. Moscow, L., Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 361 p. (In Russ.)
- Rybakov B.A. *Kievskaiia Rus' i russkie kniazhestva XII–XIII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1982, 592 p. (In Russ.)
- Sergeevich V.I. *Drevnosti russkogo prava*, v 3 t. Moscow, Zertsalo Publ., 2006, t. II. *Veche i kniaz'. Sovetniki kniazia*. 510 p. (In Russ.)
- Solov'jev S.M. *Sochineniia*: v 18 knigakh. Moscow, Mysl' Publ., 1988, kn. 1. 797 p. (In Russ.)
- Soloviev S.M. *Drevnerusskie kniaz'ia*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, 410 p. (In Russ.)
- Sverdlov M.B. *M.V. Lomonosov i stanovleniie istoricheskoi nauki v Rossii*. St. Petersburg, Nestor-istoria Publ., 2011, 915 p. (In Russ.)
- Tatishchev V.N. *Sobranie sochinenii*: v 8 t. Moscow, Ladomir Publ., 1994, t. I, 500 p. (In Russ.)
- Tikhomirov M.N. *Drevniaia Rus'*. Moscow, Nauka Publ., 1975, 432 p. (In Russ.)
- Tolochko P.P. *Drevniaia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 246 p. (In Russ.)

Received on 01.08.2024

Accepted on 20.09.2024

Информация об авторе:

Боровков Дмитрий Александрович
кандидат исторических наук,
независимый исследователь
г. Москва. Российская Федерация
E-mail: brancalone85@mail.ru

Information about the author:

Dmitry A. Borovkov
PhD (History),
Independent Scholar
Moscow, Russian Federation
E-mail: brancalone85@mail.ru